

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 22 ноябрѣ 1881
10 ноябрѣ

Отдѣльные нумера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie. Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève. Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) «Свѣтлая дружина», какъ аномальное явленіе въ жизни русскаго общества и дѣйствительныя условія безопасности главы государства. — 2) Исполнительный комитетъ о политическихъ убійствахъ въ странахъ пользующихся народною свободою; дѣла объ оскорбленіи величества; пожертвованія на революціонное дѣло въ Россіи. — 3) Болзнь польскаго языка въ столицѣ. — 4) Избирательныя пріемы болгарскаго правительства. — 5) Невѣжество русскою, дозволенной правительствомъ печати. — 6) Историческая Польша и великорусская демократія, XII, М. Драгомлюва. — 7) Политическія письма (письма нѣмое): національность. Г-на Б. — 8) Письма о рабочемъ движеніи, XI: Общие результаты избирательной борьбы въ Германіи. Неожиданныя победы социалистовъ при выборахъ. Мѣры правительства для устраненія социалистовъ отъ избирательной борьбы и изъ рейхстага. Коалиція всѣхъ буржуазныхъ партій съ этой же цѣлью. Трудности положенія социалистическихъ кандидатовъ въ виду выдающихся личныхъ качествъ нѣкоторыхъ противниковъ. Запростъ Бебеля въ саксенскомъ ландтагѣ и поведеніе прогрессивистовъ.

Женева, 22 ноябрѣ.

Въ то время, когда верховная власть попусту старается выудить сколько нибудь способнаго министра изъ среды приближенныхъ къ трону въ минувшее царствованіе и въ поискахъ за „нужнымъ человекомъ“ постоянно попадаетъ въ просакъ; когда чувствуемая всѣми и повсюду потребность въ коренныхъ преобразованіяхъ не идетъ далѣе нѣкоторыхъ бюджетныхъ сокращеній и усиленія фактическаго контроля чиновника надъ чиновникомъ; когда призванные на помощь правительству, а не населенію, свѣдущіе люди нутаются въ своихъ соображеніяхъ и одно за другимъ перерѣшаютъ сдѣланныя ими постановленія; когда газетные столпы самодержавія „успокаиваютъ народъ“ увѣреніями, что даже въ такомъ дѣлѣ, какъ регулированіе питейной продажи, почему то именуемое мѣрами ослабленія пьянства въ народѣ, свѣдущіе люди ничего обязательнаго постановить не могутъ, а такъ только потол-

куютъ между собою, высказутся, и при томъ не отъ имени населенія, а отъ своего собственнаго, да и разойдутся по домамъ; когда для такого же безправнаго словоговоренія созывается новая всероссійская коммисія изъ тѣхъ же чиновниковъ и тѣхъ же свѣдущихъ людей, по всей вѣроятности даже безъ значительнаго измѣненія въ ихъ личномъ составѣ; когда высшіе знатоки административнаго дѣла во всѣхъ министерскихъ и высшихъ государственныхъ конурахъ ошестиваются при видѣ этихъ безправныхъ „свѣдущихъ людей“, о чемъ свидѣлствуетъ самъ Ив. Аксаковъ и злорадствуетъ при видѣ такой недостойной игры въ „выслушиваніе голоса земли“, при видѣ этой подтасовки земскаго представительства; когда, наконецъ, припертое къ стѣнѣ чиновничьимъ хищничествомъ и бездарностью самодержавіе безсильно выступить изъ осаднаго положенія и, въ угоду собственному чувству робости, надбѣляетъ осаднымъ положеніемъ всю Россію, отдастъ подъ надзоръ ничего не стоящей, какъ охранная сила, полиція все общество, возстановивая этимъ противъ себя всѣхъ и каждого, и праваго болѣе чѣмъ виноватаго; — въ то самое время изъ того же третируемаго en canaille общества выдѣляется горсть людей, добровольно ставящихся на защиту особы царя отъ невѣдомыхъ „злоумышленниковъ“. Эти люди добровольно отдаютъ себя въ распоряженіе полиціи повсемѣстно, гдѣ ступаетъ или ступитъ царская нога. Они не щадятъ средствъ, не щадятъ силъ, чтобы съ успѣхомъ выполнить добровольно принятую ими на себя обязанность царскихъ тѣлохранителей, оправдать наименованіе своего сообщества „дружиною спасенія“. Мы отказываемся понять это явленіе. Не потому отказываемся, что не

въ состояніи оцѣнить самоотверженнаго героизма Сусаниныхъ, а потому, что въ Россіи нѣтъ болѣе почвы для подвига героя — въ наше время уже театальной пьесы „жизни за царя“. Нпже мы помѣщаемъ порицающее поступокъ Гито заявленіе исполнительнаго комитета отъ имени русскихъ революціонеровъ. Изъ этого заявленія ясно, что наши „невѣдомые злоумышленники“ — не тѣ, что безъ толку гадятъ о террорѣ на митингахъ и конгрессахъ за границею, а тѣ, что дѣйствуютъ на родинѣ, — признаютъ насиліе за средство борьбы во имя идеи освобожденія лишь въ томъ случаѣ, когда оно направлено противъ насилія же; они отвергаютъ насиліе надъ особою правителя въ странѣ, гдѣ возможна честная борьба за идею. Значитъ, условія спокойствія и личной безопасности главы государства въ Россіи ничто иное, какъ гарантированная закономъ и народнымъ правительствомъ свобода личности, свобода совѣсти, слова, труда и его организаціи, короче сказать сумма свободъ, лежащихъ въ основаніи народнаго благосостоянія, передъ которою властною рукою московскихъ царей и петербургскихъ императрицъ и императоровъ проведенъ знакъ минусъ въ исторіи Россійскаго государства. Спасать царя нужно не отъ тайныхъ, невѣдомыхъ злоумышленниковъ, а отъ всѣмъ извѣстныхъ совѣтниковъ, явно и нагло подающихъ голоса за угнетеніе и произволъ. Не ходить по указкѣ полиціи, не выискивать слѣдовъ крамолы, а присоединить свой голосъ къ справедливымъ требованіямъ угнетенной въ Россіи человѣческой личности слѣдуетъ дружинѣ спасенія царя отъ опасности, ежечасно ему угрожающей. Если въ средѣ „дружины спасенія“ или „святой дружины“, какъ она себя именуетъ, есть люди мало мальски одаренные политиче-

скимъ смысломъ, то они съумѣютъ воспользоваться своимъ вліятельнымъ положеніемъ, чтобы помочь уразумѣть такую простую истину: угнетеннымъ нужна свобода, а не насилие. Уничтожьте произволъ, дайте свободу—и охранять будетъ некого и не зачѣмъ.

Изъ всей заграничной русской прессы мы одни сочли умѣстнымъ выразить сожалѣніе по поводу смерти Гарфильда, погибшаго отъ руки убійцы Гито. Наше отвращеніе къ акту насилія надъ личностію избраннаго правителя свободной страны раздѣляется также средою русскихъ революціонеровъ, дѣйствующихъ внутри отечества. Въ № 6-мъ „Народной Воли“ исполнителный комитетъ заявляетъ, что „въ странѣ, гдѣ личная свобода гражданъ предоставляет возможность вести честную борьбу за идеи, гдѣ свободная воля народа не только издаетъ законы, но и назначаетъ правителей, въ такой странѣ политическое убійство, какъ средство борьбы, равносильно деспотизму, неспроверженіе котораго составляетъ задачу революціонной партіи въ Россіи“. „Деспотизмъ отдѣльнаго лица,—говорится далѣе въ томъ же заявленіи отъ 10/22 сентября,—или деспотизмъ партіи—оба одинаково подлежатъ осужденію и насилие лишь тогда оправдывается, когда оно направлено противъ насилія“.

Тамъ же приводится извѣстіе, что съ 1-го марта въ департаментъ государственной полиціи поступило 2508 дѣлъ объ оскорбленіи величества и что особымъ императорскимъ указомъ отъ 22 іюня предписано не доводить этихъ дѣлъ до суда, а оканчивать ихъ административнымъ порядкомъ. Прибавимъ отъ себя, что такой порядокъ практиковался и въ послѣдніе годы минувшаго царствованія.

Изъ опубликованнаго въ лѣткѣ „Народной Воли“ списка пожертвованій видно, что съ 1/13 марта по 15/27 іюля на революціонное дѣло въ Россіи собрано до 20.000 рублей.

Петербургская администрація почему-то неупустила польскаго языка. Намъ сообщаютъ, что г. Унгеру, издателю „Иллюстрированнаго Обозрѣнія“ и книгопродавцу въ Петербургѣ отказано въ изданіи газеты въ столицѣ на польскомъ языкѣ, не смотря на то, что самъ г. Унгеръ и вся редакція предполагавшейся газеты хорошо извѣстны правительству за людей „несомнѣнной благонамѣренности“. Считаеь не лишнимъ замѣтить, что въ Петербургѣ имѣютъ постоянное жительство до 75.000 поляковъ. Назначенная на 15 декабря одиодневная перепись населенія города Петербурга покажетъ, впрочемъ, болѣе точную цифру.

„Марица“ и другія болгарскія газеты содержатъ напечатанный министромъ внутреннихъ дѣлъ княжества списокъ лицъ, имѣющихъ право на избраніе въ члены государственнаго совѣта. Намъ сообщаютъ, что этотъ списокъ крайне неточенъ. Въ него внесены, напримѣръ, лица недостигшія узаконеннаго 30-ти лѣтняго возраста потому только, какъ увѣряютъ, что пользуются расположеніемъ подполковника Ремелингена (нынѣшняго министра внутр. дѣлъ), но за то въ него не попали многіе ученые, имѣющіе по закону неоспоримое право на избраніе, какъ напр. г. Дриновъ, познанія и ученые труды котораго могутъ быть неизвѣстны въ странѣ развѣ только подполковнику внутреннихъ дѣлъ. Противъ именъ бывшихъ министровъ, — Цанкова, Каравелова и Славейкова, — поставлена внушительная замѣтка: „право ихъ на избраніе сомнительно, такъ какъ они, будучи подвергнуты судебному прѣсѣдованію за прокламацію къ своимъ избирателямъ, неудовлетворяютъ требованію безпорочной службы“. И это говорится, послѣ дарованія полной амнистіи 30 августа! Отмѣчаемъ „избирательные пріемы“ нынѣшняго болгарскаго правительства въ виду того, что нѣкоторые оптимисты прочтутъ и Россіи подобное болгарскому устроителю государственнаго совѣта.

На дняхъ мы были поражены невѣжествомъ русской дозволенной правительствомъ печати въ дѣлѣ, которому, по видимому, сама печать придаетъ значеніе и котораго мы касаемся потому только, что оно разоблачаетъ съ какою легкостью можно водить за носъ нашихъ присяжныхъ публицистовъ и охранителей пресловутыхъ русскихъ интересовъ на востокъ. Наши газеты, не исключая и наиболѣе серьезныхъ, до того увлеклись перепечаткою изъ „Neue Freie Presse“ протеста сербскаго митрополита Михаила (нѣкоторые же нашли даже полезнымъ перенести по этому случаю, выдавая тексты протеста за непосредственно ими полученный документъ), что не обратили вниманія на бьющія въ глаза несообразности, заключающіяся въ нѣмецкомъ текствѣ этого протеста. Ихъ нѣсколько не удивляетъ призывъ митрополита „къ великому собору, состоящему изъ патріарха константинопольскаго, императора всероссійскаго, главы русской церкви, патріарховъ Эфіопіи, Іерусалима и Александріи, митрополитовъ Черногогоріи, Румыніи, и Греціи“. Во главѣ церкви королевства греческаго стоитъ синодъ, а не митрополитъ. Митрополита Греціи никакого нѣтъ и не было, а есть митрополитъ афонскій, мегарскій и эгинскій. Православнаго эфіопскаго патріарха тоже нѣтъ и никогда не было, а есть патріархъ Контскій, по необразованности именуемый также эфіопскимъ, но онъ не признается православнымъ и общенія съ нимъ пра-

вославная церковь не имѣетъ. Глава румынской церкви называется не митрополитомъ, а примасомъ Румыніи. Но что всего любопытнѣе, такъ это именованіе императора всероссійскаго главою русской церкви. Редакціямъ русскихъ газетъ, а особенно тѣмъ, которыя имѣютъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ лицъ, принадлежащихъ къ духовенству, непостижительно не знать, что во главѣ русской церкви стоитъ св. правит. синодъ, а не императоръ, который не можетъ быть названъ главою церкви даже въ томъ смыслѣ, какъ именуется этимъ титуломъ королева Англіи. Въ Сводѣ Законовъ значится: „Императоръ всероссійскій есть верховный охранитель православной вѣры и блюститель чистоты ея“. По отношенію къ православной церкви на него возлагаются, слѣдовательно, одни только полицейскія обязанности, пожалуй, еще болѣе специальная обязанность угнетать раскольниковъ, какъ нарушителей „чистоты вѣры“.

Всего этого, разумеется, не могъ не знать митрополитъ Михаилъ, воспитанникъ Кіевской духовной академіи, а потому и не могъ писать протеста въ формѣ и выраженіяхъ, переданныхъ жидовскою вѣнской газетою, а вслѣдъ за нею и нашими публицистами, радѣтелями православія на востокъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

„ ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ. XIII.

Къ числу упомянутыхъ уже особенно-стей украинскаго социалистическаго движенія, — а именно выступленія его за границу Россіи и федеративнаго его характера,—надо прибавить третью: при первомъ появленіи своемъ въ заграничной печати, въ 1876 г., украинскіе социалисты заявили о необходимости вести агитацію не только на социально-экономическомъ полѣ, (въ Россіи и Австріи) но и на политическомъ (въ Россіи). Установленіе „политической свободы“ въ томъ государствѣ, въ которомъ живетъ наибольшая часть ихъ народа, социалисты украинцы признали мѣрою, хотя и палативною, но существенно необходимою для положенія твердаго основанія въ ихъ странѣ для агитаціи и за социально-экономическое освобожденіе народныхъ массъ. Къ такой постановкѣ вопроса склонило украинцевъ, кромѣ позитивнаго наблюденія надъ ходомъ исторіи западноевропейскихъ народовъ, еще и сознаніе, что политическая свобода есть замѣна національной независимости для ихъ народа; отсутствіе же этой независимости есть главная причина той болѣзни, которая подѣлываетъ всѣ успѣха украинскаго народа къ своей эмансипаціи экономической, какъ и умственной,—такъ какъ чужія государства, владѣвшія и владѣющія Украиной, отняли у массъ народа ихъ мозги, образованные классы,—не только эксплуататоровъ, но и дѣйствительную

„интеллигенцію“, школу, науку, искусство. Видя, какъ народъ украинскій терпитъ тройной гнетъ въ Россійской Имперіи, украинскіе социаллисты не могли, подобно великорусскимъ и оекикорушеннымъ своимъ товарищамъ, игнорировать политическія формы жизни, хотя и понимали, что изменение ихъ не можетъ быть конечною цѣлью дѣятельности. Въ виду того, что борьба за „политическую свободу“ составляетъ теперь главную работу „русскихъ социалистовъ-революціонеровъ“, къ которой, послѣ нѣкотораго колебанія, должны были пристать и т. наз. „народники“, не лишнимъ будетъ напомнить, что еще въ 1878 г. издавшая „террористами“ прокламація „Смерть за смерть“ допускала возможность мира русскихъ социалистовъ съ самодержавіемъ, лишь бы это послѣднее оставалось пейтральнымъ въ виду борьбы ихъ съ буржуазіей, и что признаніе украинскою „Громадою“ необходимости борьбы за политическую свободу вызвало рѣшительное порицаніе въ народникъ-рецензентѣ „Общины“, *).

До извѣстной степени въ такомъ же положеніи, какъ украинцы, находятся, по вопросу о политической свободѣ въ Россіи, и поляки. Но, по причинамъ, которыя теперь разбирать не мѣсто, польскіе социаллисты, выступившіе на сцену съ 1878 г., не считали нужнымъ высказаться ясно относительно этого вопроса. Теперь же, какъ можно видѣть изъ перепечатанныхъ и въ „Вольномъ Словѣ“ заявленій двухъ фракцій польскихъ социалистовъ („Людъ Польскій“ и посланіе группы „Równość—Przedświt“ къ „Товарищамъ русскимъ социалистамъ“), — обѣ эти фракціи, хотя каждая по своему, признаютъ необходимымъ и политическую борьбу съ деспотическимъ строемъ Россійской Имперіи.

Въ виду теперешняго согласія по этому вопросу между украинцами, великорусскими „террористами“ и „народниками“ и поляками, доказывать дальѣ необходимость борьбы за политическую свободу въ Россіи, — значило бы выламывать открытую дверь. Теперь слѣдуетъ говорить о средствахъ, какъ наилучшее повести эту борьбу.

Читая и слушая заявленія великорусскихъ революціонеровъ, замѣчаешь, что они видятъ наилучшее средство въ такъ называемомъ террорѣ, т. е. по просту въ политическихъ убійствахъ **). Это все еще остатокъ или послѣдствіе ихъ прежняго, не критическаго отношенія къ вопросу о политической свободѣ, — необходимость борьбы за которую великорусскіе социаллисты сначала отрицали, потомъ втянулись въ нее только рефлективно, а не сознательно, начавъ сначала мстить преслѣдовавшимъ ихъ чиновникамъ, потомъ главѣ ихъ царю, потомъ уже (собственно около 1880 г.) возведши въ теорію необходимость борьбы за политическую свободу. Мы оставимъ въ сторонѣ нравственныя неудобства теоріи убійства, не-

премѣнно тайнаго, — которое совершенно понятно, какъ продуктъ озлобленія, внесеннаго въ общество тиранническимъ правительствомъ — но которое, будучи проповѣдуемо, какъ исключительное и даже преимущественное средство дѣйствія политической партіи, должно непремѣнно понизить нравственный уровень ея, слугить ея политической горизонтъ и въ концѣ всего вызвать отвращеніе отъ нея въ одной части общества, — а во всѣхъ создать или поддержать политическіе нравы, которые будутъ считать убійство, казни и т. н. исключительныя мѣры самыми дѣйствительными средствами борьбы между партіями, даже революционными *). Убійство не можетъ стать ни принципомъ, ни даже главнымъ занятіемъ политической партіи, которая должна имѣть цѣлью произвести крупную общественную перемену; крупная же политическая перемена можетъ быть достигнута только массовымъ движеніемъ образованныхъ ли классовъ, или „черни“, — или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, — а потому все такъ вопросъ о неспроверженіи самодержавія въ Россіи сводится главнымъ образомъ къ тому, какъ вызвать эти массовыя движенія и какъ согласить ихъ, разъ они проявились, каждое по своимъ причинамъ. При настоящемъ положеніи вещей въ либеральной политической реформѣ могутъ быть заинтересованы преимущественно классы образованные, — тогда какъ классы черно-работніе интересуются преимущественно экономическими преобразованіями. Не то, чтобъ между одними и другими преобразованіями было принципиальное противорѣчіе, но практика западноевропейскихъ странъ показываетъ, что огромная часть образованныхъ либераловъ, добившись извѣстныхъ политическихъ реформъ, останавливается на нихъ, упуская изъ виду реформы экономическія, и даже потомъ перестаетъ быть либералами, по

*) Объ этомъ мы говорили не мало въ „Листкѣ Громады“ 1878 г., потомъ въ брошюрѣ „Терроризмъ и свобода“, въ 1880 г., въ 1-й Громады 1881 г. и въ брошюрѣ „Le tyranicide en Russie et l'action de l'Europe occidentale“. Съ тѣхъ поръ не произошло ничего, что бы заставило насъ перемѣнить наше мнѣніе, а случилось кой что такое, что могло укрѣпить его. Таковы напр. нѣкоторыя заграничныя заявленія (въ газетахъ и на лондонскомъ конгрессѣ), которыя стремились возвести убійство въ принципъ не только политической, но и социальной борьбы. Заявленія эти, — почти ничего не стояшія ихъ авторамъ, изъ которыхъ ни одинъ не попробовалъ приложить къ дѣлу своихъ теорій ни въ Петербургѣ, ни въ Англіи или Швейцаріи, — послужили только въ пользу русскому правительству, которое ничего такъ не хочетъ, какъ имѣть поводъ поставить себя подъ защиту общественнаго мнѣнія всего образованнаго міра. Таковы съ другой стороны слухи о томъ, что друзья самого русскаго правительства надумались пустить въ ходъ свои тайныя политическія убійства. Признаться, мы бы очень были рады, если бы эти слухи оказались сколько нибудь вѣрными, конечно, если бы при этомъ ничья кровь не была пролита: это заставило бы здоровыхъ людей между революціонерами подумать серьезно объ опасности возведенія въ принципъ лжелей, хотя и неизбежныхъ, но все таки патологическихъ, и перенесенія въ дѣло революціи, а особенно социальной, да еще анархической, ученій іезуитскихъ. — Намъ пріятно было прочесть сейчасъ извѣстіе о заявленіи „Нар. Воли“, что она считаетъ политическія убійства въ странахъ свободныхъ за проявленіе деспотизма и протестуетъ противъ деспотизма партій, какъ и лица!

отношенію къ тѣмъ партіямъ и классамъ, которые требуютъ дальнѣйшихъ реформъ, особенно реформъ социально-экономическаго характера. Весь трагизмъ положенія передовыхъ людей въ Россіи заключается въ томъ, что имъ приходится бороться съ самою устарѣлою политическою формою въ то время, когда европейская практика обличила недостаточность и тѣхъ формъ, которыя въ Европѣ послѣдовали за паденіемъ формъ, подобныхъ руссійской деспотіи. Оттого то эти передовые люди и льстили себя въ 60-е и 70-е годы надеждою попасть въ четвертый классъ исторической школы, минуя второй и третій. Но разъ надежды эти оказались мечтами, а губернаторъ перваго класса оказался ужъ очень нестерпимымъ квартальнымъ, — колебаться долѣе оказалось не изъ чего, — и самые завзятые мечтатели и самобытники пошли на то, чтобъ получить хоть самую элементарную политическую свободу, въ родѣ той, какую даетъ консервативнѣйшая изъ западноевропейскихъ конституцій, — при чемъ „иронія исторіи“ задала въ Россіи роль активныхъ либераловъ именно социалистамъ, какъ пайострѣе почувствовавшимъ на себѣ когти деспотіи.

Многихъ подобное положеніе дѣла смущаетъ, и они (какъ напр. „Народная Воля“ 1880 г.) утѣшаютъ себя тѣмъ, что изъ перваго же русскаго земскаго собора выйдутъ и политическая свобода, и широкая экономическая реформа въ духѣ социализма. Намъ кажется, что лучше бы и не обольщаться подобными надеждами, такъ какъ массовое движеніе образованныхъ классовъ противъ самодержавія невозможно безъ участія напр. т. наз. лѣвыхъ сторонъ земствъ, а эти партіи, конечно, не пойдутъ на полную экспропріацію земель и фабрикъ; — довольно будетъ, если они проведутъ въ общемъ земскомъ соборѣ и въ областныхъ земствахъ нѣкоторыя благоприятныя чернорабочимъ классамъ мѣры аграрныя, фабричныя и артельно-промысловыя, которыя дадутъ этимъ классамъ перевести духъ и облегчатъ ихъ организацію для дальнѣйшей, уже сознательной борьбы за социалистическій идеалъ. Практическая будущность на ближайшее время принадлежитъ въ Россіи тѣмъ своего рода политическо-соціальнымъ оппортунистамъ, которые не замедлятъ въ ней появиться среди земствъ и для которыхъ теперешніе социалисты-революціонеры только расчищаютъ дорогу. Если же кого изъ „чистыхъ“ социалистовъ въ Россіи смущаетъ такая ближайшая будущность, тѣмъ самое лучшее теперь же перенести свою дѣятельность въ страны, гдѣ предстоящій Россіи политическій вопросъ, такъ или иначе уже рѣшенъ.

Для социалистовъ изъ народностей, населяющихъ западную половину Россіи, напр. для поляковъ, украинцевъ, румынъ и отчасти евреевъ, послѣдній выходъ и не очень труденъ. Особенно поляки, украинцы и евреи могутъ найти себѣ поле дѣйствія напр. въ Галиціи, въ средѣ, вполне имъ родственной. Тамъ они найдутъ даже зачатки организаціи среди рабочихъ, Zalo-

*) Любопытнаго отсылаемъ особенно къ заключительному мѣсту рецензіи въ „Общинѣ“ № 8—9, стр. 20—21.

**) И польское посланіе говоритъ о „террористической борьбѣ за политическую свободу“.

женные благодаря инициативе некоторых украинских писателей и львовских рабочих разных племен, на вполне здоровых федеральных основах, которых не могли испортить стремившиеся проникнуть и туда влияния польского исторического патриотизма. Там, в Галиции могут быть образованы и непробованы кадры социальных организаций польско-украинско-еврейских, как в Буковине украинско-румынских, которые, с установлением политической свободы в России, могут быть прямо расширены на весь ее юго-запад *).

Что же касается до России, то в ней пока ничего нельзя ждать, кроме вышеупомянутых мёрз по экономическому вопросу да установления зачатков политической свободы,—и степень широты первых и прочности вторых будет зависеть от широты и степени сознательности массового движения образованных и чернорабочих классов против существующих в России политических и социально-экономических порядков. Инициаторам этого движения следовало бы теперь же подумать о способах: а) чтобы наиболее заинтересовать в предстоящем политическом перевороте массы народа, отчего главным образом будет зависеть не только сила движения, но и широта его экономических результатов,—и б) чтобы получить зачатки действительной политической свободы, а не одно только конституционное правление, т. е. правление парламентского большинства, которое еще в добавок может быть легко испровергнуто, при удобном случае, монархической властью.

Нам кажется, что около этих пунктов группируются довольно правильным образом надежды и опасения, внушаемые различными национальными элементами населения России,—и если читатель будет иметь немного терпения прочесть несколько еще параграфов, то он увидит, что все сказанное сейчас вовсе не составляет отступления от предмета настоящих статей.

Само собою разумеется, что политическая и социальная оппозиция могла бы скорее всего найти себе сочувствие в тех населениях России, которые не принадлежат к государственной национальности, и потому терпят двойной, а иногда тройной гнет от теперешних порядков. Надо только умеваясь взяться за дело агитации среди таких населений,—чего, к сожалению, и не достаёт в теперешнее время. Начавши с севера,—мы видим, что в Остзей-

ском крае эстонское и латышское население чрезвычайно недовольно своими аграрными условиями и национально-юридическими привилегиями немецкой аристократии и богатой буржуазии. Население это в значительной степени организовано в разные общества и довольно грамотно. Бёда только в том, что вожди его, хоть и искренние демократы, но с теориями социализма не знакомы и к тому же, по реакции немцев и из своего рода оппортунизма, проповедают в своем населении надежды на русское правительство. Если бы им кто либо разъяснил, что это правительство ничего не в состоянии дать им, кроме немецко-помещичьего же гнета, или обрусительной бюрократии и что желаемый каждым латышом и эстом надель земли может совершиться только во имя социалистических требований,—то дело политической свободы и аграрной реформы в России получило бы в латышах и эстах действительную поддержку. Мы думаем, что и в Петербурге, и в самой Риге, можно было бы и русским и польским революционерам найти возможность сотрудничества и с эстами, и с латышами, а литературное поднятие среди них федерально-социального вопроса возможно было бы, при посредстве на первых порах хоть немецкого языка, даже из за границы.

Далее на юге мы встречаем латышей-католиков Витебской губернии, и литовцев Виленской и Ковенской г., в положении крайне угнетенном со стороны национально-политической и аграрной. Настроение этих народов мало известно, но во время крепостного права они довольно часто и упорно бунтовали,—и теперь бунты чиншиков, аграрные преступления и частые разбои в Литве свидетельствуют о сильном недовольстве среди ее населения,—и если об этом недовольстве мало известно, то, конечно, тому причиной полное забвение этого населения со стороны живущих среди него образованных классов, почти сплошь ополяченных. Если бы из этих ополяченных классов выделилась хоть небольшая группа людей, которые бы обратили внимание на литовское население, то несомненно, что недовольство его теперешним положением могло бы быть организовано в благоприятном для общего движения в России направлении. Тоже следует сказать и о белоруссах. Частые и упорные бунты их против помещиков во время крепостного права, большое количество побегов против помещиков,—(без сравнения больше, чем у великорусских крестьян), вовсе не говорят в поддержку распространённого мнения о пассивности и забитости белоруссов *). Им просто не достаёт только образованного элемента, связанного с ними чувством и языком. Та-

кой элемент может образоваться теперь только посредством выделения из ополяченных и отчасти овеликорусенных образованных классов Белоруссии.

Переходя к народу украинскому, мы начнем с одного личного воспоминания. При самом начале известного „хождения в народ“ русских социалистов, в 1873 г. мы встретили за границей одного прежнего знакомого, бывшего прежде несколько старомодным украинophileм, а потом ставшим ревностным последователем „Вперед“, и разговорился с ним на тему о недовольности одних великорусских публикаций для пропаганды социализма во всей России. К удивлению нашему, он стал доказывать, что украинцы могут прекрасно понять и усвоить и великорусские публикации,—а когда оказалось, что этот тезис поддерживать между нами было трудно, (так как нам обоим украинский язык был не безызвестен) то знакомый наш стал доказывать, что вряд ли и стоит теперь пропагандировать социализм украинцам, у которых нет даже ни общинного землевладения, (?) ни артелей, (?) ни фабрик, (?) а что всего бы лучше сосредоточить пропаганду на великоруссах, у которых есть и община, и артели, и фабрики,—и которые по этому скорее усвоят себе социалистические идеи, произведут социальный переворот,—после чего Украина получит уже готовые его результаты *). Сам собеседник наш, действительно, скоро пошел в народ в одной из великорусских губерний, на которую тогда возлагали русские революционеры большие надежды, конечно, не осуществившиеся и, как мы наперед доказывали нашему приятелю, невозможны к осуществлению. С тех пор прошло почти десять лет,—но где же не только социальная революция, но хоть какое нибудь заметное народное движение в артельной, общинной и фабричной Великороссии?! Между тем на Украине произошли в последнее время самые крупные в России аграрные волнения, городские смуты и наконец громадное антиеврейское движение. Но во всех этих движениях „интеллигентные“ социалисты оказались почти ни при чем, не смотря на то, что их вовсе не мало на Украине, и не смотря на то, что огромная доля „русских“ социалистов, даже и в Великороссии, родом украинцы. Какая тому причина? Конечно, прежде всего „обрусение“ украинской интеллигенции и то „всесосредоточение“ русских социалистов, которое так многие отстаивают и до сих пор. Они то сдѣлали украинскую интеллигенцию иностранцами дома,—они то и лишают социалистов и даже „народников“ из украинцев всех необходимых знаний и вообще способов к тому, как подойти к украинскому населению. Небольшое же количество специализировавшихся социалистов-украинцев бездельно в практическом отношении именно вследствие своей мало-

*) Мы надеемся сказать подробно о положении социалистического движения в Галиции и о значении его и для России, в особой статье „Польские социалистические программы и принципы государственности“,—а теперь отсылаем читателя за элементарными сведениями об этом предмете к брошюре г. Подольского „Социалисты-украинцы в Австрии“ и к листку, который автор его назвал: „Program socjalistów polskich i ruskich (украинских) wschodniej Galicji“ и который одна из жевских польских типографий перекрестила в „Program galicyjskich socjalistów“.

*) О бунтах латышей, литовцев и белоруссов есть некоторые данные в „Материалах для истории крепостного права в России“. Berlin, 1872. О противоположных движениях среди белоруссов, сравнительно с великоруссами и украинцами, которые давши свел мы в книге „Нові українські пісні про громадські справи“.

*) Печто в таком роде о возможной пользе „сосредоточения пропаганды социализма в Великороссии“ высказано было и в упомянутой статье „Набата“.

численности; и то еще диво, что украинское социалистическое направление держится хоть на литературном полѣ,—гдѣ направление это существует только, какъ идея, но вовсе еще не какъ партія.

А между тѣмъ, какъ вышеупомянутыя народныя движенія, такъ и всѣ наблюденія надъ пародомъ на Украинѣ,—отъ изслѣдованій его историческихъ воспоминаній и политическихъ пѣсенъ до корреспонденцій, появившихся въ послѣднее время даже въ „Народной Волѣ“ и въ „Черномъ Передѣлѣ“, напр. объ отношеніи украинскаго населения къ царю и его врагамъ,—все говоритъ въ пользу предположенія, что политико-соціальная пропаганда, съ нѣкоторымъ умѣньемъ и системною направленною, могла бы встрѣтить себѣ чрезвычайно благоприятное поле въ томъ населеніи, въ которомъ еще свѣжа память о казацкой волѣ, о времени, когда не было ни подушного, ни рекрутчины, ни раздачи земли панамъ царицею Катериною *). Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что если бы неблагоприятныя вліянія на украинскую молодежь, о которыхъ мы говорили выше, не отбили ее отъ восторженнаго се народа,—и если бы хоть съ конца 60-хъ годовъ хоть тѣ изъ этой молодежи, которые пошли въ ряды „русскихъ социалистовъ“, употребили по 3—4 года ранней юности на изученіе своего края и народа и на пріобрѣтеніе какого нибудь профессиональнаго образованія, и за тѣмъ обратились къ пропагандѣ свободныхъ политическихъ и социально-экономическихъ идей среди украинскаго населенія, съ полнымъ знаніемъ тѣхъ зацѣпокъ, какія представляется къ тому уже готовое народное міросозерцаніе,—то результаты такого,—не хожденія,—по житія среди украинскаго народа были бы совсѣмъ не тѣ, какія мы видимъ теперь послѣ десятка лѣтъ русскаго социалистическаго движенія. И теперь еще громадныхъ результатовъ можно ждать отъ пяти-десяти лѣтъ дѣятельности организационныхъ между собою круговъ, которые бы изыскали хотя бы только систематизировать, при помощи европейскихъ политико-соціальныхъ идеаловъ, тѣ воспоминанія и идеи, какія бродятъ среди украинскаго населенія,—въ такую напр. простую и удобопонятную программу: „у насъ были вольные люди, казаки, которые владѣли своею землею и управлялись громадами и выборными старшинами; всѣ украинцы хотѣли быть такими казаками и возстали изъ за того противъ польскихъ пановъ и ихъ короля; на бѣду только, старшина казацкая и многіе казаки не сумѣли удержаться въ согласіи съ простыми селянами, а потому казакамъ пришлось искать себѣ помощи противъ польской державы у московскихъ царей, и поступили подъ московскую державу, впрочемъ не какъ рабы, а какъ союзники, съ тѣмъ чтобъ управ-

ляться у себя дома по своей волѣ и обычаямъ. Цари же московскіе начали съ того, что поставили у насъ своихъ чиновниковъ, неуважавшихъ нашихъ вольностей, ни казацкихъ, ни мѣщанскихъ, а потомъ подѣлили Украину съ Польшею, уничтожили всѣ вольности украинскія, казацкія, мѣщанскія и крестьянскія; за тѣмъ цари московскіе раздали украинскую землю своимъ слугамъ украинскимъ и чужимъ, закрѣпостили крестьянъ, ввели всякія подати и рекрутчину; уничтожили почти всѣ школы, а въ оставшихся запретили учить на нашемъ языкѣ, завели намъ казенныхъ, невыборныхъ поповъ, пустили къ намъ вновь еврейскихъ арендаторовъ, шинкарей и ростовщиковъ, которыхъ было выгнали казаки,—да еще отдали на кормъ этимъ евреямъ только нашу землю, запретивъ имъ жить въ землѣ московской,—наконецъ, когда царь московскій и долженъ былъ освободить крестьянъ, то оставилъ землю за панами, и обложилъ крестьянъ еще большими налогами. Теперь намъ не нужно ни (московскихъ) царей, ни (польскихъ и русскихъ) пановъ, ни (еврейскихъ) богачей, ни казенныхъ поповъ, а хотимъ мы быть всѣ вновь равными и вольными казаками и управляться на своей Украинѣ, какъ мы сами захотимъ; а кто чужой рабочій человѣкъ хочетъ жить съ нами, какъ равный и вольный,—того мы не гонимъ, а принимаемъ какъ товарища“.—Мотивированный фактами изъ недавней исторіи народа, какъ литературно, такъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, представляемомъ народною жизнью, мѣстными памятниками и воспоминаніями, такой идеалъ являлся бы живымъ, а не книжнымъ, и быстро бы пошелъ въ ходъ,—а за тѣмъ, разъ украинское населеніе прониклось бы этимъ идеаломъ, оно оказало бы вліяніе и на сосѣдей, гораздо больше, чѣмъ могутъ оказать изолированныя пропагандисты изъ украинскихъ уроженцевъ въ разныхъ провинціяхъ Россіи, хотя бы и въ кадрахъ великорусскихъ и польскихъ революціонеровъ.

Слѣдуетъ надѣяться, что вліяніе событій, чѣмъ далѣе, все болѣе будетъ ослаблять централистическое направленіе среди послѣднихъ и такимъ образомъ украинское населеніе, возвративъ себѣ хоть часть вполнѣ интеллигентнаго класса, займетъ подобающее ему мѣсто въ общемъ освободительномъ движеніи на Востокѣ Европы.

Что касается до населенія польскаго, то оно, особенно населеніе въ городахъ, конечно, и теперь вполнѣ способно принять участіе въ этомъ движеніи. Можно повѣрить, что крестьяне польскіе и теперь мало склонны проливать свою кровь за возстановленіе польскаго государства. Но, по крайней мѣрѣ по наблюденіямъ вполнѣ безпристрастныхъ людей, извѣстія о благодарности, какую чувствуютъ эти крестьяне къ русскому царю, который надѣлилъ ихъ землею въ 1864 г., сильно преувеличены были и въ свое время. Уже нѣсколько лѣтъ спустя, при сколько нибудь откровенныхъ бесѣдахъ на эту тему, крестьяне поляки замѣчали: „такъ, такъ, благодаримъ монарха, но податки слишкомъ большіе“. Военная же служба въ русской

арміи, обученіе въ школахъ на русскомъ языкѣ несомнѣнно возбуждаютъ въ польскихъ крестьянахъ глубокое отвращеніе. Послѣднее мы видѣли сами въ бытность въ нѣкоторыхъ подваршавскихъ селахъ еще въ 1870 г. Даже не говоря о городскихъ классахъ, среди которыхъ вовсе не исчезъ старый инсуррекціонный духъ и среди которыхъ теперь распространяется социалистическое движеніе, не возможно, чтобъ идея о политической свободѣ и автономіи, съ прибавленіемъ идеи объ экономическихъ реформахъ не нашла себѣ сочувствія и въ сельскихъ классахъ Польши. А потому теперь слѣдуетъ опасаться не столько безучастія поляковъ во время всероссийскаго движенія, сколько того, какъ бы проявленіе польскаго историческаго патріотизма вновь не испортило дѣла.

Послѣ всего сказаннаго въ предыдущихъ главахъ, мы считаемъ излишнимъ говорить болѣе о томъ, что никакое народное движеніе въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и правобочной Украинѣ подъ знаменемъ польскимъ не возможно и что поднятѣ тамъ этого знамени, хотя бы даже съ самими демократическими и даже социалистическими украшеніями, можетъ только вызвать народную реакцію, которою опять таки воспользуется всероссийская реакція. Вотъ почему мы и сами считаемъ нужнымъ, и другихъ приглашаемъ настойчиво бороться со всякими остатками и признаками возможности активнаго выступленія на сцену польскаго историческаго патріотизма и наставляемъ на необходимости образованія кадровъ для политическо-соціальныхъ партій среди плебейскихъ народовъ бывшей Польши.

Великорусская оппозиція и великорусскіе революціонеры должны понять угрожающую съ польской стороны опасность для общаго дѣла, а потому и должны бы были, какъ мы уже сказали, поддерживать идею образованія вышеупомянутыхъ партій. Тѣмъ самымъ они дадутъ доказательство и широты и вѣрности своего пониманія политическаго положенія дѣлъ въ Россіи,—и своихъ федеративныхъ стремленій. Признавая, что идея общины и земельного надѣла весьма крѣпко проявляется во всѣхъ стремленіяхъ великорусскихъ массъ, въ тоже время нельзя же отрицать, что у этихъ послѣднихъ весьма крѣпка не только идея царской власти, но и идея государственной цѣлости и реакція къ польскимъ стремленіямъ къ раздѣлу Россіи. Лишенный же „историческихъ“ претензій польскія автономныя стремленія неизбежно ослабятъ свой сепаратистическій характеръ и примутъ характеръ федеративный, который не можетъ быть противнымъ и великорусскому населенію, тѣмъ болѣе что оно непосредственно не прилежитъ къ настоящей Польшѣ.

Кромѣ того, поддержка федеративной программы на западной половинѣ Россіи логически ведетъ за собою приложеніе таковой же программы и въ восточной половинѣ и въ самой обширной Великороссіи. Нужно бы было написать особую статью, чтобъ доказать, что сколько нибудь дѣйствительной политической свободы нѣтъ и не можетъ быть при централизаціи и что всѣ

*) Сырой матеріалъ въ подтвержденіе сказаннаго читатель найдетъ въ нашихъ изданіяхъ: „Малорусскія Народныя Преданія и Разказы“. Кіевъ, 1876. „Нові українські пісні про громадські справи“. Объ отношеніи украинцевъ, даже возлагающихъ надежды на царя, къ власти интересны замѣчанія еще въ „Литовскій пропагандистъ“, Община № 6—8.

политическіе перевороты, совершавшіеся на материкѣ Европы со временъ Великой французской революціи потому именно и не достигали даже ближайшихъ своихъ цѣлей, что только замѣнили самодержавіе королей самодержавіемъ парламентскаго большинства, оставляя неприкосновенною, или даже усовершенствуя централизованную бюрократическую машину управленія дѣлами странъ. Вѣдь не даромъ же и до сихъ поръ, — серьезную политическую свободу имѣютъ въ Западной Европѣ только федеративная Швейцарія, да Англія съ ея системою сословныхъ, корпоративныхъ, земскихъ и городскихъ привилегій, муниципальная Бельгія, бывшая федеративная республика Голландія, да Скандинавскія государства, въ которыхъ система централизаціи никогда не имѣла большой силы. Политическіе дѣятели, которые естественно должны опираться на центрально-государственный, великорусскій элементъ въ Россіи должны принять во вниманіе это обстоятельство и напередъ настойчиво проводить федеративное направленіе, если они желаютъ дѣйствительно политической свободы и для самого этого элемента. По счастью же, не только вся Россія, но и одна Великороссія слишкомъ велика и въ ней есть цѣлыя области (Поволжье, Сѣверъ, Сибирь) въ которыхъ автономныя стремленія еще довольно крѣпко держатся въ населеніи. Эти то стремленія и должны, для общаго блага, быть особенно тщательно поддерживаемы великорусскими оппозиционными и революционными дѣятелями вообще, а въ настоящее время при началѣ рѣшительной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, — эти стремленія должны быть поставлены на первый планъ. Только эти стремленія помогутъ Россіи если не избѣжать совершенно, то ослабить,oliko возможно, проявленіе революціоннаго якобинизма и бюрократическаго конституціонализма, отъ которыхъ такъ много пострадали другія большія государства материка Европы въ XIX в.

Таковы условія для освободительнаго политико-соціального движенія въ главнѣйшихъ областяхъ Россіи и таковы опасности, предстоящія этому движенію. Посмотримъ теперь, на сколько ясно сознаніе этихъ условій и этихъ опасностей въ наиболѣе выступившихъ впередъ лагеряхъ, представляющихъ это движеніе въ самое послѣднее время.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Драгомановъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. *)

(Письмо пятое).

Национальность. — Изученіе ея посредствомъ положительнаго научнаго метода. — Двойное основаніе и двойной характеръ національности. — Расы и ученіе о расахъ. — Законъ образованія расъ. — Борьба за существованіе.

Быстраго взгляда, брошеннаго нами на современную постановку національных вопросовъ, было, мы думаемъ, достаточно

чтобъ показать, что національное движеніе, произведшее столь рѣшительныя измѣненія во вѣншемъ очертаніи и внутреннемъ устройствѣ европейскихъ государствъ, проникшее во всѣ сферы общественной и умственной дѣятельности, охватившее всего современнаго человѣка, — не сдѣлалось еще предметомъ научнаго изслѣдованія: каждый изъ насъ видитъ національность повсюду вокругъ себя, чувствуетъ ее внутри самого себя, — рѣдкій, однако, имѣетъ о ней сколько нибудь ясное представленіе.

Мы видѣли, что причина этого явленія заключается въ увлеченіи писателей и ученыхъ борьбою за интересы своей собственной національности, которое не позволяетъ имъ относиться безпристрастно къ національнымъ вопросамъ, ни даже разсматривать оныя съ объективно-научной точки зрѣнія.

Было бы весьма интересно, посредствомъ строго критическаго анализа, выдѣлить изъ современной націоналистической литературы все національно-субъективное и прослѣдить воззрѣнія на національность, общія передовымъ людямъ различныхъ странъ; въ результатъ получилась бы идея національности, такъ какъ она отразилась въ сознаніи нашего времени.

Какъ ни заманчива, однако, въ психологическомъ отношеніи перспектива подобнаго труда, мы не достигли бы этимъ путемъ желаемаго нами познанія; оно возможно только посредствомъ примѣненія къ національности, — какъ и ко всякому другому политическому явленію, — положительнаго научнаго метода: мы должны изучить основные элементы національности и прослѣдить различныя фазисы ея образованія и постепеннаго развитія.

Основанія національности лежатъ въ двойной связи обнимающей ея членовъ: естественно-исторической — о б щ н о с т и происхождения и психической или культурно-исторической — о б щ н о с т и ч у в с т в ѣ. Съ одной стороны, національность есть физическая разновидность человечества, съ другой — нравственная личность, съ правами и обязанностями ей приущими, точно также какъ и личность отдѣльнаго человѣка.

Различія въ типѣ и характерѣ человѣческихъ породъ (расъ) были замѣчены еще въ глубокой древности и обратили на себя особое вниманіе первыхъ историковъ и географовъ; они составляютъ, уже два столѣтія, предметъ особой науки, задача которой — описаніе расъ и группированіе ихъ по степени близости или родства ихъ между собою. Находясь въ тѣсной зависимости отъ изученія другихъ естественно-историческихъ породъ и вмѣстѣ съ ними, подчиняясь узкому истолкованію вѣн-научныхъ преданій, изученіе породъ человѣка долго оставалось чисто описательной наукой (этнографія-народоописаніе); оно ограничивалось изображеніемъ расъ какъ онѣ существовали въ данную эпоху, не пытаясь узнать причины и способы ихъ образованія. Только

гораздо позднѣе, благодаря успѣхамъ естественныхъ наукъ, особенно же науки о физической природѣ человѣка вообще (антропологии), могло возникнуть собственное ученіе о расахъ — этнологія. Неудивительно, впрочемъ, что подавляемые массою этнографическаго матеріала и пораженные анатомическими и физиологическими различіями расовыхъ типовъ, этнологи видѣли сперва въ существующихъ расахъ вѣчныя и неподвижныя разновидности человечества, и старались подвести подъ этотъ принципъ всѣ факты своей науки. Теорія эта, очевидно родственная теоріи неизмѣяемости животныхъ и растительныхъ видовъ, или даже отъ нея происходящая, встрѣтила вскорѣ противорѣчіе на почвѣ исторіи, археологіи и даже этнографіи; оказалось, что, въ различныя эпохи, племена и расы подвергались измѣненіямъ, скрещивались одни съ другими и перерождались въ новыя расы; знакомство съ чрезвычайнымъ множествомъ племенъ нынѣ существующихъ или уже исчезнувшихъ, равно какъ и открытіе такихъ изъ нихъ, которыя составляютъ переходъ отъ одной расы къ другимъ, — сдѣлалъ невозможнымъ точное опредѣленіе расъ, на которыя дѣлится родъ человѣческій, и племенъ, на которыя дѣлится каждая раса, а также отлеченіе расы отъ племени, племени отъ народностей или разграниченіе племенъ и народностей между собою. Чтобы стать положительной наукою, — этнологія нуждалась въ основномъ законѣ, который бы могъ служить краеугольнымъ камнемъ ея системы и объясненіемъ разсматриваемыхъ ею явленій.

Этотъ законъ, повѣнныя этнологи, по примѣру Альфреда Уоллеса, *) усматриваютъ въ образованіи человѣческихъ породъ путемъ естественнаго подбора, подъ вліяніемъ постояннаго дѣйствія среды и борьбы за существованіе.

*) Настоящая статья есть только извлеченіе изъ болѣе обширнаго труда о расахъ и національностяхъ, съ выводами котораго она имѣетъ дѣло; ознакомить читателей; разбѣры ежедневнаго изданія не позволяютъ намъ ни сдѣлать изложеніе болѣе подробнымъ, ни приложить указаній всѣхъ источниковъ нашихъ изслѣдованій; мы приводимъ, поэтому, только самыя главные.

Мысль о примѣнимости теоріи естественнаго подбора къ человѣческимъ расамъ была высказана впервые въ написаннѣ Уоллеса, напечатанной въ немногихъ экземплярахъ для ученыхъ друзей автора въ 1858 г., „On the Tendency of Varieties to deviate from the original type, by Alfred Wallace. — Она была развита въ послѣдующихъ запискахъ Уоллеса и въ сообщеніяхъ его этнологическому обществу въ Лондонѣ и антропологическому обществу въ Парижѣ; отчетъ о трудахъ Уоллеса въ „Revue d'Ethnographie“ Paris 1876. — Cp. Broca. Mémoires d'anthropologie. — Quatrefages. Cours d'anthropologie du Muséum. — Formation des races humaines. Bulletin de la Société d'anthropologie de Paris. 1877. — Crawford. Transactions of the Ethnological Society 1867. — Chavée. Langues et races. — Comte de Salles. Histoire générale des races humaines. — Clavel. Les races humaines; leur part dans la civilisation. Klemm. Allgemeine Kulturgeschichte der Menschen, etc.

*) См. № 2, 5, 8 и 11 „Вольн. Слов.“